

Семён Экштут, доктор философских наук (ИВИ РАН)

«Наше поколение юности не знает»,

или Блеск и нищета легенды о «новых людях»

История пореформенной России продолжалась несколько десятилетий. И у каждого десятилетия была особая физиономия. «Новые люди» шестидесятых годов были нетерпеливы и фанатичны: они проявляли исступленную веру в светлое будущее и были нетерпимы к тем, кто не разделял их радикальных воззрений. В прошлом – далеком и недавнем – они видели только позор, не желая слышать ни о какой преемственности с минувшим. Существительное «прошлое» всегда употреблялось вместе с прилагательным «позорное»: бывшее по определению было только постыдным. Они мифологизировали будущее и упорно, хотя и безуспешно, старались переносить элементы будущего в настоящее. Но неудачи в практических вопросах никак не сказывались на воодушевлении «шестидесятников» и не поколебали их идеалы. Исступленный фанатизм был превосходной защитой от реальной жизни с её насущными проблемами. Уже в начале семидесятых годов образованные люди пережили крушение идеалов предшествующего десятилетия и ощутили надлом.

В семидесятые годы стали временем идейного слома в самосознании русской интеллигенции. Реальность теснит идеалы, но жива еще память о былых иллюзиях, пусть ныне утраченных и осмеянных, а сам процесс расставания с идеалами юности носит драматический характер. Семидесятые годы стали тем переломным моментом российской истории, когда одновременно сосуществовали те, кто еще продолжал верить в идеалы, с теми, кто в них уже изверился. Идеалы становились уходящей натурой русской жизни. В начале восьмидесятых годов, после убийства народовольцами императора Александра II, время переломилось. Вера в идеал как совершенное воплощение на земле социальной справедливости была утрачена. На смену «новым людям» пришли «хмурые люди».

Реконструировав образ лирического героя поэзии Надсона, мы получим ключ к пониманию картины мира и системы ценностей русской интеллигенции, вступавшей в жизнь в восьмидесятые и девятые годы XIX века и в начале XX века. Идущий к своему завершению «железный» XIX век всё больше и больше воспринимался как век торжества денег и материального успеха, безудержному натиску которого не могли противостоять поблекшие идеалы «шестидесятников». Само слово «идеал» воспринималось как пережиток недавнего прошлого. Была подорвана вера в справедливость и светлое будущее, уныние пришло на смену безудержной вере в прогресс. И поэзия Надсона оказалась удивительно созвучна этому безотрадному настроению.